
ФИЛОСОФИЯ

УДК 17
ББК 87.7
Б 51

Б.М. Берсиров,

доктор филологических наук, профессор, директор АРИГИ им. Т. Керашева, академик Российской академии педагогических и социальных наук, Адыгской (Черкесской) Международной академии, тел.: 8-928-215-28-69, e-mail: bbersirov@mail.ru

Нравственность: эволюция понятия и основы вербального поведения

(Рецензирована)

Аннотация. Общечеловеческое содержание нравственности выступает как нормативное требование. Ни моральные, ни нравственные постулаты не могут определяться какой-либо ситуацией или человеческим сознанием — нравственность абсолютна. Элементами нравственной культуры личности могут являться: культура этического мышления, культура чувств, культура речи, культура поведения и этикет. Коммуникативная практика современного общества открывает бесконечное число феноменов и проблем, относящихся к сфере intersubjectivity; общество дифференцируется, дифференцируется и нравственность, она распространяется не на весь социум, а на социальные группы. Моральная дифференцированность в таком случае может дробиться до минимально неделимой части социума — человека; т.е. морали в современном понимании как единых нормативов «для всех» — просто не будет.

Ключевые слова: эволюция, вербальное поведение, нравственность, мораль, коммуникативная практика, нормативное требование, информационный поток.

B.M. Bersirov,

Doctor of Philology, Professor, Director of Adyghean Republican Institute of Researches in the Humanities named after T. Kerashev, Academician of Russian Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Adyghean (Circassian) International Academy, ph.: 8-928-215-28-69, e-mail: bbersirov@mail.ru

Morals: evolution of concept and bases of verbal behavior

Abstract. The universal content of morals acts as the standard requirement. Neither ethical, nor moral postulates can be defined by any situation or human consciousness: the moral is absolute. Elements of moral culture of the personality are culture of ethical thinking, culture of feelings, standard of speech, culture of behavior and etiquette. Communicative practice of modern society discloses an infinite number of phenomena and the issues relating to the sphere of intersubjectivity. The society is differentiated and the moral is also differentiated. It extends to social groups rather than to the whole society. The moral differentiation in that case can be split up to minimum indivisible part of society — the person, i.e. morals in modern understanding as uniform standards “for all” will be absent.

Keywords: evolution, verbal behavior, moral, morals, communicative practice, standard requirement, information stream.

Такие понятия, как нравственность, мораль, этика, в обыденном сознании воспринимаются как синонимы (и не мудрено — этимологически данные категории означают одно и то же — нрав, нравы). Однако многие авторы наделяют их различным содержанием. Так, по отношению к нравам мораль выступает в качестве должного, нравственность в качестве сущего, а этика в качестве науки о двух первых. Существуют и иные определения; например, нравственность понимается как категория, относящаяся к состояниям души, а мораль — к внешнему поведению, поступкам человека. Мораль — это сумма установившихся в обществе неписаных нормативов поведения, сборник социальных предрассудков. Мораль ближе к слову «приличия». Нравственность ближе к такому понятию биологии, как эмпатия; к такому понятию религии, как всепрощение; к такому понятию социальной жизни, как конформизм; к такому понятию психологии, как неконфликтность. Другими словами, если человек внутренне сочувствует, сопереживает другому человеку и в связи с этим старается не делать другому того, чего не хотел бы себе, если человек внутренне неагрессивен, мудр и потому понимающ — можно сказать, что это нравственный человек.

Главное различие между моралью и нравственностью в том, что мораль всегда предполагает внешний оцениваемый объект: социальная мораль — общество, толпу, соседей; религиозная мораль — Бога. А нравственность — это внутренний самоконтроль. Нравственный человек более глубок и сложен, чем моральный. Так же, как автоматически работающий агрегат сложнее ручной машинки, которую приводит в действие чужая воля.

Русской первоосновой моральной тематики является слово «нрав» (характер, страсть, воля, расположение к чему-нибудь доброму или порочному). Впервые «нравственность» упоминается в «Словаре Академии Российской» как «сообразность свободных деяний с законом». Здесь же дается толкование нравоведению: «часть любомудрия,

содержащая наставления, правила, руководствующие к добродетельной жизни, к обузданию страстей и к выполнению обязанностей и должностей человека».

Среди множества определений морали следует выделить то, которое имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, а именно: мораль принадлежит миру культуры, входит в природу человека (изменчивую, самосозидаемую) и является общественным (неприродным) отношением между индивидами.

В истории этики, например, эволюция объекта исследования прослеживается следующим образом. Античная этика характеризуется как учение о добродетелях, добродетельной (совершенной) личности. Здесь добродетель идентифицируется с каким-либо конкретным ее носителем (тем же героем мифов) и связывается, прежде всего, с такими нравственными качествами, как мужество, умеренность, мудрость, справедливость, щедрость и т. д.

Гуманисты итальянского Возрождения дополнили эти добродетели еще одной, в которой были объединены традиции античной и средневековой культуры, — добродетелью человеколюбия. К. Салютати (1331-1406) назвал эту добродетель *humanitas*; в ней сочетается идущее от Цицерона и Авла Геллия толкование *humanitas* как образованности, наставления в благородных искусствах и отношение к *humanitas* как к совокупности природных свойств человека в средние века. *Humanitas*, по Салютати, — это та добродетель, «которую также имеется обыкновение называть благожелательностью». Глава Флорентийской академии М. Фичино (1433-1499) определял *humanitas* в качестве главного морального свойства. Под влиянием *humanitas* как добродетели человеколюбия, полагал он, людям становится присуще стремление к единству. Чем больше человек любит равных себе, тем более он выражает сущность рода и доказывает, что он человек. И наоборот, если человек жесток, если он отстраняется от сущности рода и от общения

с себе подобными, то он человек только по названию.

Христианская этика средневековья основное внимание уделяла изучению нравственности как объективного, внеличного явления. За пределы личности были вынесены критерии различия добра и зла. С точки зрения христианской этики абсолютным источником нравственности является Бог. В нем человек находит причину, основание и цель своего бытия. Нормы морали возводятся в мировой закон, следуя которому человек, богоподобный по своей сущности, но в социально-природном измерении безнадежно греховный, способен преодолеть разрыв между своим назначением (быть подобным Богу) и повседневным бытием. К названным выше добродетелям христианская этика добавляет еще три новых — *веру* (в Бога), *надежду* (на его милость) и *любовь* (к Богу).

В этике Нового времени новое звучание получило одно из древнейших нормативных требований, выражающее общечеловеческое содержание нравственности. В конце XVIII в. это требование получило название «золотого правила», которое формируется следующим образом: «поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». И. Кант дал более строгое выражение этого правила, представив его в виде так называемого категорического императива [1]. Причем, здесь следует обратить внимание на то, что тем самым Кант задает нравственности важную гуманистическую доминанту: «Поступай так, — пишет он в «Критике практического разума», — чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». Согласно Канту, категорический императив является всеобщим общеобязательным принципом, которым должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения, положения и т. д.

Философское представление о нравственности стало формироваться еще

в Древней Греции, когда, в эпоху Сократа, в центре философствования встала не природа, а человек и его бытие. Сократ, а за ним Платон положили проблемы нравственности в основу своей философии. Систематическое же философское изложение нравственности впервые получила в трудах Аристотеля, после которого этика стала непременной частью практически всех философских систем, а часто становилась основой оных, как, например, в учениях Эпикура, стоиков, или в большинстве направлений христианской мысли.

Проблема нравственности всегда интересовала философскую мысль во всем мире. Огромный интерес к этой проблеме, с момента своего возникновения, проявляет и русская философия.

Начиная с раннего средневековья, на всем протяжении своего развития, вплоть до сего дня, русская философия уделяла колоссальное внимание разработке нравственной проблематики [2]. Более того, можно с уверенностью сказать, что русская философия — это нравственная философия по преимуществу. Этот факт не означает, что русские мыслители занимались только проблемами этики. Отнюдь, русская философская мысль не обошла своим вниманием ни одной отрасли философского знания, и обогатила человеческую мысль глубочайшими прозрениями в области эстетики, гносеологии, онтологии. Однако чаще всего эти отрасли так или иначе сопрягались с проблемами добра и зла, с проблемой смысла бытия, то есть, в конечном итоге, с проблемой морали. И в этом сопряжении искался высший синтез, высшее единство, тотальная взаимосвязь всего со всем. Именно из этого напряженного поиска вышли такие краеугольные понятия русской философии, как цельность, соборность, всеединство.

Русская философия рассматривала не только и не столько нравственность как таковую, но человеческое, практическое измерение нравственности. В это измерение попадает не только жизнь и поступки отдельных людей, их сообществ и человечества,

но и исторический процесс в целом, и более — весь ход космического становления, которое рассматривается как движение к Благу, а значит как процесс, в первую очередь, нравственного развития, ибо нравственность сама по себе есть благо, его проявление и его условие.

Подобное стремление к нераздельности нравственной теории и нравственной практики отлилось в такую особенность русской философии, как её антропоцентризм. Антропоцентризм русской философской мысли проявляется в сосредоточенности на судьбе человека в этом мире, на смысле и цели его бытия. В свою очередь, этот антропоцентризм привёл к обострённому вниманию русских мыслителей к проблемам социального и исторического бытия человека, его поведения.

Здесь необходимо отметить некоторые отличия нравственности от морали, хотя на уровне обыденного сознания эти понятия признают синонимами. По этому поводу имеется несколько точек зрения, не исключающих, а, наоборот, дополняющих друг друга, выявляющих некоторые нюансы. Если мораль понимается как форма общественного сознания, то к нравственности относятся практические поступки человека, обычаи, нравы. В несколько ином плане мораль выступает регулятором поведения человека посредством строго фиксированных норм, внешнего психологического воздействия и контроля, либо общественного мнения. Если соотнести нравственность с таким образом понимаемой моралью, она представляет собой сферу нравственной свободы личности, когда общечеловеческие и социальные императивы совпадают с внутренними мотивами. Нравственность оказывается областью самостоятельности и творчества человека, внутренней установкой творить добро.

Следует коснуться и такой важнейшей проблемы бытия нравственности, как то, на чём она основывается и чем обуславливается. Нравственность не может существовать сама по себе, так как обретает бытие только внутри разумного сознания, если, конечно,

мы не становимся на позиции Платона [3] и крайних реалистов, и не наделяем идеи автономным бытием. Следовательно, нравственность должна быть обусловлена чем-то внешним по отношению к себе.

Следует отметить, что моральные постулаты не могут определяться ни оценочным восприятием какой-либо ситуации человеческим сознанием, ни самой этой ситуацией — нравственность абсолютна, а ситуации и восприятие относительны и сами от чего-то зависят. Таким образом, мы не можем признать обуславливающим основанием морали что-то, что само, в свою очередь, чем-то обусловлено. Мы с неизбежностью приходим к тому, что мораль может зависеть только от такой сущности, которая не обуславливается ничем внешним, но является причиной самой себя.

Более того, эта сущность может быть только личностью, то есть иметь сознающую себя разумную волю. В противном случае, нравственность также лишается смысла, ибо сама по себе может иметь лишь разумное основание и объяснение. Ценность нравственности и её необходимость способно увидеть только существо разумное, и только для разумного существа она имеет смысл, а значит и её источник должен быть разумен.

Иными словами, размышляя над причиной и основанием нравственности, мы с неизбежностью приходим к концепции разумной, безусловной, необходимой сущности, обуславливающей собою нравственность. То есть, мы приходим к концепции Бога, ибо, лишь исходя из существования Бога и Его творчества, можно непротиворечиво объяснить существование морали. Об этом говорил И. Кант, утверждавший, что «высшее благо» и нравственность как основная его часть возможны только при постулировании бытия Бога [4]; об этом говорил Ф.М. Достоевский, полагавший, что неизбежное следствие непризнания Божьего существования — вседозволенность, то есть отсутствие какой-либо морали вообще [5].

Нравственная культура личности — это характеристика нравственного

развития личности, в которой отражается степень освоения ею морального Опыта общества, способность последовательного осуществления в поведении и отношениях с другими людьми ценностей, норм и принципов, готовность к постоянному самосовершенствованию. Личность аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры общества. Задача формирования нравственной культуры личности заключается в достижении оптимального сочетания традиций и новаций, в соединении конкретного опыта личности и всего богатства общественной морали. Элементами нравственной культуры личности являются культура этического мышления («способность морального суждения», умение пользоваться этическим знанием и различать добро и зло), культура чувств (доброжелательное отношение к людям, заинтересованное и искреннее сопереживание их горестей и радостей), культура речи, культура поведения и этикет.

В качестве главной функции культуры может быть названа человекотворческая, т. к. формируется человек вследствие приближения к культуре. К тому же, овладение культурой невозможно без овладения ее знаковыми системами, будь то цвета светофора или национальные языки. В этом нас убеждает социологический подход к изучению культуры, в котором культура трактуется как фактор организации и образования жизни какого-либо общества. Именно на этом уровне социализации язык обеспечивает упорядоченное существование человека и социума как структуры.

Общий язык также поддерживает сплоченность общества. Он помогает людям координировать свои действия благодаря убеждению или осуждению друг друга. Кроме того, между людьми, говорящими на одном языке, почти автоматически возникают взаимопонимание и сочувствие. В языке находят отражение общие знания людей о традициях, сложившихся в обществе, и текущих событиях. Короче говоря, он способствует формированию чувства

группового единства, групповой идентичности. Руководители развивающихся стран, где существуют племенные диалекты, стремятся к тому, чтобы был принят единый национальный язык, чтобы он распространялся среди групп, не говорящих на нем, понимая значение данного фактора для сплочения всей нации и борьбы с племенной разобщенностью.

Следует заметить, что коммуникативная практика современного общества открывает бесконечное число феноменов, относящихся к сфере интересубъективности. Усложняются механизмы участия в диалогах, актуализируются новые коммуникативные проблемы: живое взаимодействие в рамках культуры и повседневности, социальная дифференциация языка, вариативность языковых систем и т. п.

К тому же в современной жизни все более значимым становится «виртуальный» тип обучения, характерные особенности которого виртуальность, интерактивность, гипертекстаульность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность. В таких условиях преобладающей формой общения становится монолог; вместо односторонне направленного информационного потока (от коммуникатора — к коммуникатору) приходит коммуникационное взаимодействие («коммуникация»).

Распространение виртуального общения крайне неоднородно по своим последствиям. К позитивным последствиям распространения «виртуального» общения можно отнести следующее: сокращение социального взаимодействия, сужение социальных связей (вплоть до одиночества), развитие депрессивных ситуаций, аутизация детей и подростков и т. д. Именно здесь наиболее четко обозначаются проблемы проявления нравственности.

Нельзя не согласиться с тем, что движение НТР остановить невозможно. Если обозначить причины предпочтения сетевого общения перед обычным, то можно выделить несколько аспектов: 1) недостаточное насыщение общением в реальных контактах; 2) возможность реализации качеств личности,

проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни; 3) неудовлетворенность реальной социальной идентичностью и желание избавиться от нее. Как видим, данная проблема угрожает социуму как структуре, и с каждым днем она все более актуализируется. С одной стороны, происходит дезинтеграция общественной системы. С другой стороны, усиливается роль ситуации. В первом приближении нравственность (мораль, этику) можно определить как устойчивые представления, доминирующие в обществе, о том, что есть должное и не должное. Эти представления имеют абсолютный характер, то есть функционируют во всех сферах человеческой деятельности независимо от обстоятельств.

Впрочем, следует заметить, что в современном обществе весьма распространена, а кое-где преобладает концепция ситуативно-релятивной этики, которая, по своему существу, убивает нравственность как таковую. Действительно, ситуаций, относительно которых определяется нравственность, может быть бесконечное множество, равно и оценочных восприятий одной и той же ситуации может быть столько, сколько есть воспринимающих сознаний. А значит, если каждый нравственный постулат можно трактовать бесконечным числом способов, то этого постулата в действительности не существует, а существует неограниченный произвол. Произвол, который с неизбежностью ведёт ко злу, ибо лишь во зле возможен: «Добро определяет мой выбор в свою пользу всей бесконечностью своего положительного содержания, следовательно, этот выбор бесконечно определён, необходимость его была абсолютна, и произвола в нём — никакого; напротив, при выборе зла нет никакого определяющего основания, никакой необходимости, и, следовательно, бесконечный произвол», — безукоризненно определяет В.С. Соловьёв [6].

Таким образом, если понимать мораль как практическое руководство к реальным поступкам, а не как логи-

ческую абстракцию, то мы приходим к тому же, с чего и начали: нравственность может существовать только как нерелятивная абсолютная категория. В виде же абстракции нравственность действительно может быть подвержена релятивизму.

Выделяют два вида поведения — словесное (вербальное) и реальное. Вербальное поведение — это наши высказывания, суждения, мнения, доказательства. Поведение, выраженное в слове, во многом определяет культуру отношений между людьми, сила слова огромна (поэт Е. Евтушенко выразил это так: «Словом можно засечь, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести»). Поведение уже на вербальном уровне может быть жизнеутверждающим либо лишаящим смысла человеческое существование. (Вспомним, к примеру, суждение Эзопа о языке из пьесы Фигейредо «Лиса и виноград».)

Выше уже шла речь о том, что появление мышления, воли и языка явилось основной предпосылкой культурогенеза на рубеже перехода от хабилисов к неантропам. С той поры, т.е. с завершения биологической эволюции человека, слово стало регулятором поведения, отношений, передающихся в устном и письменном творчестве. Недаром одним из элементов «семи искусств» обучающих программ античности и средневековья была риторика, наука об ораторском искусстве (и шире — о художественной прозе вообще), которая оставалась частью гуманитарного образования вплоть до XIX в.

Реальное поведение — это наши практические действия, поступки, совершаемые в соответствии с определенными правилами, моральными принципами. В данном случае речь идет о совпадении этических знаний и нравственного поведения, что свидетельствует о высокой нравственной культуре личности. Иная ситуация — это лицемерие, расхождение слова и дела и т. п. При сопоставлении поведения какого-либо человека с принятыми нормами, нравственными ценностями принято говорить о поведении

«нормальном», либо «отклоняющемся», девиантном. Поэтому, чтобы понять человека, смысл его поступков, характер поведения, необходимо проникнуть в мотивы, которыми он руководствуется в той или иной ситуации. Лишь уяснив мотивы, можно правильно судить о поступках, реальном поведении человека по отношению к окружающей его действительности, и прежде всего к другим людям, к самому себе.

Культурное поведение личности — это поведение человека в соответствии с теми нормами, которые выработало и которых придерживается данное общество. Оно включает определенные манеры, общепринятые способы общения, обращения с окружающим.

Однако культурное поведение человека — это часть проблемы культуры человеческих отношений. Другая ее часть — поведение культурного человека. В данном случае акцент делается на человеке — каков он, культурный или некультурный? В каком плане следует говорить о культурном человеке? Очевидно, это такой человек, у которого знание этических принципов, моральных норм, принятых в данном обществе, превратилось во внутреннее убеждение, вылилось в нравственное чувство. Критерием культурности, воспитанности выступает соотношение поступка как проявления нравственного чувства с интересами другого человека. Поэтому более обширным, нежели сфера действия этикета, выступает культура чувств и слов, которая формируется в процессе общения человека с природой, в трудовой деятельности, в межличностных контактах при опредмечивании памятников материальной и духовной культуры.

Итак, культура этического мышления, культура чувств, культура поведения, этикет — в своей совокупности образуют целостную систему нравственной культуры личности.

В заключении хотелось бы отметить, что мораль и, соответственно, нравственность, вопреки убеждениям старых моралистов, никогда не падает и не рушится, она просто меняется. Или растворяется — то есть то, что

раньше являлось предметом морального регулирования, теперь к вопросам морали перестает иметь отношение. Как результат — мельчает человек, его поступки и т. п. Изменения речи современного человека, конечно же, не могут остаться незамеченными.

Кибернетика гласит, что при усложнении системы в ней растет число управляющих центров, то есть центров, принимающих решения. С этой точки зрения демократическая постиндустриальная система ведет себя совершенно классически — управляющие функции перемещаются от Центра к низам. Государство все больше и больше лишается управленческих функций. Эти функции уходят от государства к частным фирмам, транснациональным корпорациям, общественным организациям, обычным людям. Например, демократическое государство, в отличие, скажем, от советского, не занимается обеспечением населения продуктами питания — это дело частных фирм. Демократическое государство не занимается идеологией, это дело свободной прессы. И так далее...

Проблема в том, что чем дальше мы будем продвигаться в будущее, тем меньше будет роль государства и больше роль гражданского общества. Меньше роль нравственности (общественных предрассудков) и больше роль самознания отдельной личности; количество управляющих центров может сравняться с числом элементарных ячеек системы. В социальной системе ячейки — это люди. Максимальная самостоятельность каждого отдельного человека — вот предельная цель. Это означает в пределе крайний индивидуализм, который только может выработать в себе стадное животное без деструктивных последствий для себя (или с умеренными деструктивными последствиями). Это означает коллапс коллективизма (понятий «народ», «нация») и расширение гедонизма (желания жить со вкусом и самореализоваться).

Тенденции демократизации, упрощения общественных нравов прослеживаются довольно отчетливо. Завтра станет еще меньше необоснованных

запретов и строгих правил поведения. Станет еще больше неформально ведущих себя политиков вплоть до уровня глав государств, и размывание национальных государств только ускорит этот процесс деформализации политики. Все эти ставшие модными среди политиков встречи без галстуков — только начало отказа от протокольной шелухи, первый шаг в направлении от внешнего упрощения к внутреннему усложнению.

Общество дифференцируется, дифференцируется и нравственность, она

распространяется уже не на весь социум, а на социальные группы. И так как мы живем в мире множественности моральных нормативов, возникают корпоративные этики, правила поведения в своей профессиональной, социальной среде или просто в дружеской компании. И эта моральная дифференцированность может дробиться до минимальной неделимой части социума — человека. И тогда у каждого окажется своя мораль. То есть морали в современном понимании (как единых нормативов «для всех») просто не будет.

Примечания:

1. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч. в 8 т., Т. 4, М.: Чоро, 1994.—С. 521.
2. Зеньковский В.В. История русской философии.: В 2 т., Т. 1. — Ростов-на-Дону.: Феникс, 1999. — С. 19.
3. Платон. Государство // Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3.
4. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч. в 8 т., Т. 4, М.: Чоро, 1994.—С. 521.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы.: В 2 т., Т. 1. — М.: Правда, 1981. — С.107.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.1. 118.

References:

1. Kant I. Critique of practical reason // Kant I. Coll. of works.: in 8 v. V. 4 . М.: Choro, 1994. P. 521.
2. Zenkovsky V.V. History of the Russian philosophy: in 2 v. V. 1. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. P. 19.
3. Plato. The state // Works: in 4 v. V. 3. М., 1994.
4. Kant I. Critique of practical reason ... P. 521.
5. Dostoevsky F.M. The Karamazovs' brothers: in 2 v. V. 1. М.: Pravda, 1981. P. 107.
6. Solovyuvov V.S. The justification of the Good. Moral philosophy // Solovyuvov V.S. Works: in 2 v. V. 1. М., 1990. 118 pp.